

Кс. А. Полевой

Полтава, поэма Александра Пушкина

СПб., 1829 г.

Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825-1842. - Л., 1990:

В русской публике давно слышны жалобы на безотчетные похвалы сочинениям Пушкина. Но если похвалы сии составляют мнение самой публики и поддерживаются каждым новым произведением любимца ее, то жаловаться, кажется, не на кого. Он нравится, и его хвалят. Так быть должно и не может быть иначе. "Но, -- спрашивают, -- почему он нравится? Почему не докажут, что он достоин хвалы, что он пользуется славою заслуженною?" Этот вопрос решить гораздо труднее, хотя и он достоверно решается повторением уже сказанного нами. Пушкин гением своим сходствует с идеалом своих читателей или по крайней мере сближается с ним: вот причина всех успехов и славы его, разумеется, заслуженной, если он возбуждает нетерпеливость ожидания, оправдывает оную и заставляет снова ждать новых своих произведений. Как указать на то, что именно нравится публике в сочинениях Пушкина и в какой степени нравится? Недавно, при появлении в свет "Полтавы", мы видели пример несходства в мнениях: одни назвали сию поэму *первою* по достоинству, другие *третьею*, третьи *второю*; одни нашли, что описание Полтавской битвы превосходно, другие увидели в нем неверный очерк; одни убедились, что "Полтава" есть шаг к совершенству, другие уверились в противном. Это несколько не удивительно. Это живой урок, что пора перестать привязываться к словам и отдельным картинам, которые *непрерывно должны* производить различное действие *на каждого читателя*. Рассказ о живописце, выставившем свою картину для поправок, есть урок мудрости. Критика, указующая на места в сочинениях, есть для нас наследственная болезнь схоластизма. Только в то время, когда не знали стихий искусства, можно было по убеждению одного человека называть то и то прекрасным, а то и то дурным. В нашу эпоху существуют другие требования. Ныне можно назвать слишком дерзким того критика, который, признавая какое-либо поэтическое произведение созданием необыкновенного дарования, стал бы указывать на стихи, по *его мнению*, не хорошие. Кто и что ручается нам за его мнение? И не прав ли Пушкин, сказавший одному своему критику, осуждавшему его стих в "Цыганах" "И с камня на траву свалился...": "Я именно так хотел, так должен был выразиться". Какие аргументы могут в сем случае опровергнуть мнение не только самого Пушкина, но и каждого из его читателей?

Мы займемся совершенно другим предметом. Сказав в начале сей статьи, что успех и слава Пушкина оправдываются сею же славою и сим же успехом, мы говорили о славе, раздаваемой современниками. Чего желаешь им, если они наслаждаются автором? Слезы, пролитые в Париже при представлении Мармонтелевых трагедий и в Петербурге при представлении трагедий Сумарокова, были пролиты дельно, не даром, хотя в наше время смеются над трагедиями Мармонтеля и Сумарокова. Сии трагедии нравились современникам, трогали их, умиляли -- и довольно!

Но именно здесь скрывается тайная причина общих и частных жалоб на славу Пушкина. Публика не надеется на себя и боится подвергнуться тому же упреку, какой произносит она против современников Сумарокова. У нас, даже в журналах, где занимаются критикою, указывают на приведенные нами примеры непрочности современной славы и силятся применить их к Пушкину. Предмет сей так важен, что мы почитаем долгом объяснить о нем.

Не только современные славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобных им, но вековые славы разрушились в наше время. Не только слава частных лиц, но слава целых литератур пала и слава других восстала в прочной, бессмертной силе. Давно ли латинскую литературу ставили рядом с греческою -- и кто осмелится теперь сделать это? Давно ли французская литература первенствовала у всех народов -- и кто теперь не отрицает ее первенства? Давно ли Шекспира называли варваром, Буало законодателем поэзии, Тасса предпочитали Данту, и у нас имя Ломоносова произносили вместе с именем Державина? Кто теперь станет поддерживать сии положения? Теперь самые закоснелые староверы литературные отрекаются от подобных мнений. И все это совершилось в девятнадцатый век! Где же причина сего непостижимого для многих явления? Что вдруг просветило благословенный XIX век?

Осьмнадцатое столетие можно назвать эпохою переворотов: конец его ознаменовался великими политическими переменами на обоих полушариях земли и таким же великим движением в умственном мире. Зерно многих столетий развернулось в наше время: мы ли виноваты в том, что судьба заставила нас